

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.076-084

Е. Б. Подузова*

Применение технологий искусственного интеллекта при оказании услуг: взгляд цивилиста на проблему

Аннотация. Основываясь на цивилистической методологии, автор проанализировал понятие, правовую природу, а также правовой режим оказания услуг с применением технологий искусственного интеллекта. Определен правовой режим технологий искусственного интеллекта, применяемых для возмездного оказания услуг. Предметом исследования выступают юридическая доктрина; нормы российского законодательства; нормы подзаконных нормативных правовых актов; правоприменительная практика. Цель исследования состоит в доктринальном обосновании правовой природы и правового режима оказания услуг с применением технологий искусственного интеллекта. При подготовке статьи применялись сравнительно-правовой, системно-структурный методы научного познания, а также метод моделирования. Методологической особенностью настоящего исследования является сочетание теоретического и эмпирического уровней познания. Использование вышеуказанного комплекса методов позволило рассмотреть вопросы правовой квалификации и правового режима оказания услуг с применением технологий искусственного интеллекта в свете неоднозначных доктринальных и практических подходов к их решению.

Ключевые слова: правовой режим; правовая природа; оказание услуг; цифровая технология; инновация; согласие; информированность; искусственный интеллект; технологии искусственного интеллекта; цифровой объект.

Для цитирования: Подузова Е. Б. Применение технологий искусственного интеллекта при оказании услуг: взгляд цивилиста на проблему // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 76–84. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.076-084.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

От редакции. Автор считает, что искусственный интеллект — это условный термин и должен использоваться в кавычках.

© Подузова Е. Б., 2024

* Подузова Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ekaterinak7785@yandex.ru

The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Provision of Services: A Civilist's View of the Problem

Ekaterina B. Poduzova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law; Associate Professor, Department of Notary Service, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ekaterinak7785@yandex.ru

Abstract. Based on the civil law methodology, the author analyzed the concept, the legal nature, as well as the legal regime for the provision of services using artificial intelligence (AI) technologies. The legal regime of AI technologies used for the provision of paid services has been defined. The subject of the study includes: legal doctrine; norms of Russian legislation; norms of subordinate normative legal acts; law enforcement practice. The purpose of the study is to provide a doctrinal justification of the legal nature and legal regime of the provision of services using artificial intelligence technologies. Comparative legal, systemic and structural methods of scientific cognition, as well as the modeling method were used in the preparation of the paper. The methodological feature of this study is the combination of theoretical and empirical levels of cognition. The use of the above-mentioned set of methods made it possible to consider the issues of legal qualification and the legal regime for the provision of services using artificial intelligence technologies and artificial intelligence technologies in the light of ambiguous doctrinal and practical approaches to their solution.

Keywords: legal regime; legal nature; provision of services; digital technology; innovation; consent; awareness; artificial intelligence; artificial intelligence technologies; digital object.

Cite as: Poduzova EB. The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Provision of Services: A Civilist's View of the Problem. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):76-84. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.076-084

Acknowledgements The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Объектами гражданского оборота, в отличие от объектов имущественного оборота, признаются только те объекты, которые предусмотрены в гражданском законодательстве, в первую очередь в ст. 128 ГК РФ. Оказание цифровых услуг не является объектом гражданского оборота. Как представляется, к числу объектов гражданского оборота относится оказание услуг (ст. 128 ГК РФ) с использованием цифровых продуктов. Одним из цифровых продуктов являются технологии искусственного интеллекта. Вышеобозначенные технологии, будучи особыми, цифровыми объектами¹, обладают признаками результатов интеллектуальной деятельности, однако в п. 1 ст. 1225 ГК РФ технологии искусственного интеллекта не

отнесены к объектам, охраняемым в качестве интеллектуальной собственности. Вместе с тем указанные объекты имущественного оборота широко применяются на практике для оказания различных услуг.

Применение технологий искусственного интеллекта обуславливают определенные гражданско-правовые предпосылки для оказания услуг с использованием указанных цифровых продуктов, обладающих признаками результата интеллектуальной деятельности. Полагаем, что эти предпосылки могут быть поделены на две группы:

1) правомерность использования технологий искусственного интеллекта для оказания услуг. Как известно, право использования ре-

---

¹ О специфике искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, а также о договорах, применяемых при создании и использовании указанных цифровых продуктов см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искус-

зультата интеллектуальной деятельности предоставляется в силу лицензионного договора или договора коммерческой концессии. Так, организация правомерно применяет робототехническое устройство (в котором нашла свое выражение технология искусственного интеллекта), если является: обладателем исключительного права на технологию искусственного интеллекта, лицом, которому предоставлено право использования технологии искусственного интеллекта;

2) выражение заказчиком согласия на совершение определенных действий при оказании услуг с применением технологий искусственного интеллекта.

Как было доказано ранее², согласие, применяемое для оказания услуг с использованием технологий искусственного интеллекта, является односторонней сделкой (п. 2 ст. 154 ГК РФ). Как представляется, данное согласие может быть включено в договор возмездного оказания услуг в качестве договорного условия. В частности, указанное согласие выражается заказчиком на совершение юридически значимых действий, затрагивающих его нематериальные блага (п. 1 ст. 150 ГК РФ) или сведения о его нематериальных благах (персональные и биометрические данные). Обратим внимание на то, что согласие в форме молчания не допускается. Форма согласия — письменная (на бумажном либо электронном носителе). Согласие заказчика на оказание услуг с использованием технологий

искусственного интеллекта должно быть выражено до оказания определенной услуги и (или) совершения иных юридически значимых действий, затрагивающих, например, нематериальные блага заказчика (п. 1 ст. 150 ГК РФ) либо сведения о его нематериальных благах.

В зависимости от характера действий, на совершение которых требуется от заказчика выражение согласия, возможно выделить определенные его типы. Рассмотрим подробнее указанные типы согласия на примере договоров возмездного оказания медицинских услуг с применением технологий искусственного интеллекта.

Добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство. Согласно п. 1 ст. 20 Закона об охране здоровья граждан³ согласие на осуществление медицинского вмешательства, помимо признаков добровольности и предварительности⁴, обладает признаком информированности⁵. Следовательно, пациенту (его законному представителю) должна быть представлена в доступной для него форме информация о медицинском вмешательстве и его последствиях. Полагаем, что для медицинского вмешательства, совершаемого с применением технологий искусственного интеллекта, к такой информации относятся сведения о специфике использования указанной технологии для совершения медицинского вмешательства.

Как известно, информация о медицинском вмешательстве предоставляется медицинским

искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. Т. 4.

² О согласии, применяемом в цифровой медицинской среде, см.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития digital-медицины (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. Т. 2. С. 108–131 (автор раздела — Е. Б. Подузова).

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ См., например: постановление Верховного Суда РФ от 04.07.2022 № 8-АД22-2-К2 ; апелляционные определения Тюменского областного суда от 20.06.2016 по делу № 33-4508/2016 ; Московского областного суда от 01.02.2017 по делу № 33-2406/2017 ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.05.2023 № Ф07-3657/2023 по делу № А66-11207/2020 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ См. об этом: п. 59 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.

работником пациенту (его законному представителю) в доступной форме. Аналогичное требование содержится в п. 4 Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства⁶. В специальной форме указанного согласия⁷ в декларативном порядке указывается, что медицинский работник разъяснил пациенту (его законному представителю) в доступной форме всю информацию о предстоящем медицинском вмешательстве. Обратим внимание на то, что предусмотренный в п. 1 ст. 20 Закона об охране здоровья граждан алгоритм предоставления медицинским работником пациенту (его законному представителю) информации о специфике медицинского вмешательства допускает и устную форму ее предоставления. Предоставляя указанную информацию в устной форме, медицинский работник впоследствии не может подтвердить в случае рассмотрения судом спора, связанного с правомочностью и (или) качеством оказания медицинской услуги, что информация о медицинском вмешательстве была разъяснена пациенту (его законному представителю)⁸. Во многих случаях пациент впоследствии заявляет о том, что указанная информация не была ему

предоставлена медицинским работником. Следовательно, организация, оказывающая медицинскую услугу, лишается доказательства того факта, что добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство с применением технологий искусственного интеллекта было информированным.

Как полагает В. Г. Фомина, в текст согласия на медицинское вмешательство должна быть включена информация об основных его признаках⁹. Как представляется, в информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, которое совершается с применением технологии искусственного интеллекта, должны быть включены основные сведения, характеризующие указанное медицинское вмешательство.

Согласие на обработку персональных данных пациента (его законного представителя). Персональные сведения¹⁰ о пациенте (его законном представителе) относятся к основному элементу персонифицированного учета граждан в частных и публичных медицинских информационных системах, используемых в сфере здравоохранения. Среди персональных данных в особую группу выделяются сведения, которые субъект персональных данных разрешил

⁶ Приказ Минздрава России от 12.11.2021 № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Приложение № 2 к приказу Министерства здравоохранения РФ от 12.11.2021 № 1051н.

⁸ См. об этом, например: *Ковалевский С. М.* Некоторые правовые вопросы реализации механизмов социального страхования отдельных категорий граждан // Социальное и пенсионное право. 2019. № 3. С. 11–16; № 4. С. 18–23; *Старчиков М. Ю.* Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика : науч.-практ. пособие // СПС «КонсультантПлюс», 2022; определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 № 88-22217/2022 по делу № 2-22/2022; от 22.09.2022 по делу № 88-20511/2022; Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 24.11.2022 № 88-8312/2022, 2-61/2022; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2023 по делу № 88-14114/2023, 2-22/2022.

⁹ *Фомина В. Г.* Противоправность действий (бездействия) исполнителя в делах, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 167–175.

¹⁰ О персональных данных как информационной составляющей big data, об их особенностях см.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2022. Т. 5. § 1, 2 (автор параграфов — Л. Ю. Василевская).

распространять (п. 1.1 ст. 3 Закона о персональных данных¹¹). В случае оказания медицинских услуг с применением технологии искусственного интеллекта от пациента (его законного представителя) необходимо получить согласие на обработку персональных данных (см. п. 1 ст. 92 Закона об охране здоровья граждан).

Обратим внимание на то, что в п. 1 ст. 9 Закона о персональных данных признается допустимой любая форма выражения согласия на их обработку. Вместе с тем анализ предъявляемых к выражению согласия требований, закрепленных в п. 1 ст. 9 Закона о персональных данных, дает основания полагать, что все они могут быть соблюдены только при выборе письменной формы согласия (абз. 1, 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). В пункте 15.3 Порядка организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи¹² предусмотрено, что согласие на обработку персональных данных пациента и (или) его законного представителя выражается в письменной форме. В пункте 3 ст. 34 Закона об охране здоровья граждан, а также в п. 2 Порядка организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи закреплены конститутивные признаки высокотехнологичной медицинской помощи. В этой связи полагаем, что к высокотехнологичной медицинской помощи может быть отнесено оказание услуг с применением технологий искусственного интеллекта.

Специального возраста, с которого субъект гражданского права самостоятельно выражает согласие на обработку персональных данных, в законодательстве не предусмотрено. В юри-

дической литературе А. И. Савельев ставит вопрос о возможности применения сниженного (15-летнего) возраста для выражения согласия на обработку персональных данных пациента по аналогии со сниженным (15-летним) возрастом для выражения согласия на медицинское вмешательство¹³.

Полагаем, что позиция А. И. Савельева не соответствует п. 1, 2 ст. 26 ГК РФ, а также абз. 2 п. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ¹⁴. Анализ легального определения понятия «медицинское вмешательство» (п. 5 ст. 2 Закона об охране здоровья граждан) позволяет сделать вывод, что непосредственно при совершении медицинского вмешательства не осуществляется обработка персональных сведений о пациенте. Как уже отмечалось, выражение гражданином согласия на обработку персональных данных является необходимой легальной предпосылкой для оказания медицинской услуги. Считаем, что для пациентов в возрасте до 18 лет согласие на обработку персональных данных выражают законные представители либо попечитель. Указанный вывод представляется верным и для оказания услуг с применением технологий искусственного интеллекта.

Согласие на обнародование, а также использование изображения пациента (его законного представителя). Биометрические данные пациента находят закрепление в его изображении (абз. 1 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ)¹⁵.

Использование и обнародование изображения пациента во многих случаях взаимосвязаны с раскрытием информации, составляющей вра-

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

¹² Приказ Минздрава России от 02.10.2019 № 824н «Об утверждении Порядка организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи с применением единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.11.2019.

¹³ Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2021.

¹⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁵ См.: п. 17 Обзора практики Конституционного Суда РФ за I квартал 2019 г., утв. решением Конституционного Суда РФ от 25.04.2019; определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации»; п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части

чебную тайну. В доктрине выработан подход к определению содержания согласия на обнаружение и использование изображения гражданина. Указанный подход основан на разъяснениях, данных Верховным Судом РФ в п. 46, 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Так, по мнению А. Е. Шерстобитова, согласие на обнаружение и использование изображения гражданина является сделкой. По этой причине, как полагает ученый, оно может содержать условия о порядке и способе использования указанного изображения¹⁶. Аналогичная позиция по данному вопросу была представлена Л. Ю. Михеевой¹⁷, К. К. Беляевой¹⁸ и В. Э. Фридманом¹⁹.

Основываясь на позиции Верховного Суда РФ²⁰, можно сделать вывод, что требования к письменной форме согласия на обнаружение и использование изображения гражданина должны быть закреплены в законе. Вместе с тем в Законе об охране здоровья граждан отсутствуют указанные требования. Таким образом, согласие пациента на обнаружение и использование его изображения может быть выражено устно либо совершено в форме конклюдентных действий.

При использовании для оказания медицинских услуг приложений для компьютерных устройств, а также информационных систем осу-

ществляется фиксация изображения пациента (и его законного представителя) с помощью технических и программных средств, входящих в состав технологий искусственного интеллекта. В изображении пациента (например, в изображении, сделанном до и после проведения оперативного вмешательства) находят закрепление сведения, составляющие врачебную тайну²¹.

По нашему мнению, согласие пациента на обнаружение и использование его изображения, в котором зафиксированы сведения, составляющие врачебную тайну, совершенное в устной форме или в форме конклюдентных действий, противоречит п. 3 ст. 13 Закона об охране здоровья граждан и подпадает под квалификацию в качестве сделки, совершенной с пороком письменной формы (п. 1 ст. 162 ГК РФ).

Требований к содержанию указанного согласия в законе не установлено. Представляется, что согласие на обнаружение и использование изображения пациента, в котором зафиксированы сведения, составляющие врачебную тайну, должно содержать условия о цели использования изображения пациента; способах обнаружения и использования изображения; сроке либо бессрочности данного согласия.

Согласие пациента на разглашение врачебной тайны. Обратим внимание на то, что к

первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8 ; п. 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2012 № 61 (ред. от 04.04.2014) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12 ; п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

¹⁶ Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. 2023. № 2. С. 8–13.

¹⁷ Михеева Л. Ю. Объекты гражданских прав: правовые позиции, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 11–18.

¹⁸ Беляева К. К. Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 27–60.

¹⁹ Фридман В. Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.

²⁰ См.: абз. 2 п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.

²¹ См. об этом: Хужин А. М. Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 19–21 ; постановление Оренбургского областного суда от 09.02.2018 № 4а-45/2018 ; апелляционное определение Свердловского областного суда от 07.04.2022 по делу № 33-4558/2022(2-5825/2021).

врачебной тайне относятся сведения, получаемые при организации и проведении телемедицинской консультации, а также сведения, получаемые при оказании иных услуг с использованием технологии искусственного интеллекта. Согласно позиции Верховного Суда РФ понятие «врачебная тайна» носит оценочный характер²².

В силу п. 3 ст. 13 Закона об охране здоровья граждан разглашение врачебной тайны является правомерным только при наличии письменного согласия гражданина (его законного представителя). Согласие на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, может также закрепляться в тексте информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. С учетом того что согласие на раскрытие врачебной тайны является односторонней сделкой, в указанном согласии однозначным образом должна быть выражена воля лица на раскрытие определенными способами сведений, составляющих врачебную тайну. По нашему мнению, содержащееся в законе дозволение включать условия о разглашении врачебной тайны в текст информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство ставит под сомнение ясность выражения воли пациента (его законного представителя) на раскрытие указанной информации.

В свете вышеизложенного не теряет актуальности проблема определения возраста, с которого пациент вправе самостоятельно выражать согласие на раскрытие врачебной тайны, а также запрет разглашения данных сведений. Как известно, выражение согласия (или запрета) на раскрытие врачебной тайны не входит в перечень сделок, которые самостоятельно совершаются несовершеннолетними гражданами, не достигшими возраста приобретения полной дееспособности (п. 2 ст. 26, п. 2 ст. 28 ГК РФ). Иные сделки от имени указанных лиц могут совершать их законные представители

либо попечители. На основании вышеизложенного полагаем, что согласие (или запрет) на разглашение врачебной тайны может быть дано пациентом самостоятельно по достижении им возраста приобретения полной дееспособности (п. 1 ст. 21 ГК РФ).

Думаем, что установление 15-летнего возраста (п. 2 ст. 54 Закона об охране здоровья граждан) для выражения согласия (или запрета) на раскрытие информации, составляющей врачебную тайну, вступает в противоречие с п. 2 ст. 26, п. 2 ст. 28 ГК РФ, а также пунктом 2 ст. 22 Закона об охране здоровья граждан, согласно которому информация о состоянии здоровья несовершеннолетних пациентов в возрасте от 15 до 18 лет предоставляется указанным пациентам, а также их законным представителям. Считаем, что согласие на раскрытие информации, составляющей врачебную тайну, должно быть выражено в форме отдельного документа на бумажном или электронном носителе.

Известно, что при проведении высокотехнологичных медицинских вмешательств часто присутствуют студенты. Проведение указанных медицинских вмешательств также транслируется студентам с помощью средств видеосвязи. В судебной практике выработан подход, не имеющий должной аргументации, согласно которому студенты-практиканты вправе присутствовать при проведении медицинского вмешательства, независимо от согласия пациента на раскрытие в учебных целях информации, составляющей врачебную тайну²³. Считаем указанный подход противоречащим закону, поскольку разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в целях использования в учебном процессе допускается только с письменного согласия пациента или его законного представителя (п. 3 ст. 13 Закона об охране здоровья граждан).

Поводя итоги рассмотрения проблем, связанных с применением технологий искусственного

²² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020).

²³ См.: решения Железнодорожного районного суда г. Самары от 23.07.2010 ; Черновского районного суда г. Читы от 06.03.2014 по делу № 2-4/2014(2-30/2013;2-1845/2012)~М-1700/12 ; Талдомского районного суда Московской области от 18.12.2018 по делу № 2-7/2018(2-583/2017)~М-537/17 ; апелляционное определение Московского областного суда от 20.02.2019 № 33-6180/2019.

интеллекта при оказании услуг, необходимо отметить следующее. Использование указанных технологий для оказания услуг должно осуществляться с учетом их особой правовой природы. Еще раз обратим внимание на то, что технологии искусственного интеллекта обладают признаками результата интеллектуальной деятельности. Заказчик должен быть проинформирован о том, что соответствующая услуга оказывается с применением технологии искусственного интеллекта как особого цифрового продукта. Заказчик

также должен быть проинформирован о рисках и последствиях оказания данной услуги. В случае если при оказании услуг с применением технологии искусственного интеллекта обрабатываются персональные данные (включая персональные биометрические данные) физического лица, используется его изображение, до оказания данной услуги физическое лицо должно выразить согласие на обработку персональных данных, а также на использование своего изображения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беляева К. К.* Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. — 2019. — № 2. — С. 27–60.
2. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития digital-медицины (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 2 / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2021. — 280 с.
3. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 4 / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2022. — 336 с.
4. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование). Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. — М. : Проспект, 2022. — 360 с.
5. *Ковалевский С. М.* Некоторые правовые вопросы реализации механизмов социального страхования отдельных категорий граждан // Социальное и пенсионное право. — 2019. — № 3. — С. 11–16 ; № 4. — С. 18–23.
6. *Михеева Л. Ю.* Объекты гражданских прав: правовые позиции, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Судья. — 2015. — № 10. — С. 11–18.
7. *Савельев А. И.* Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — М. : Статут, 2021.
8. *Старчиков М. Ю.* Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика : науч.-практ. пособие // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
9. *Фридман В. Э.* Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 8. — С. 45–56.
10. *Хужин А. М.* Проблемы и перспективы реализации личных прав и обязанностей супругов // Семейное и жилищное право. — 2023. — № 1. — С. 19–21.
11. *Шерстобитов А. Е.* Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. — 2023. — № 2. — С. 8–13.

Материал поступил в редакцию 18 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belyaeva K. K. Rasporyazhenie pravom na izobrazhenie v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 2. — S. 27–60.
2. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya digital-meditsiny (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 2 / otv. red. d-r yurid. nauk, prof. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2021. — 280 s.
3. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: «iskusstvennyy intellekt» i tekhnologii «iskusstvennogo intellekta» v mekhanizme dogovornogo regulirovaniya (tsivilisticheskoe issledovanie): monografiya: v 5 t. T. 4 / otv. red. d-r yurid. nauk, prof. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2022. — 336 s.
4. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: big data v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya (tsivilisticheskoe issledovanie). T. 5 / otv. red. L. Yu. Vasilevskaya. — M.: Prospekt, 2022. — 360 s.
5. Kovalevskiy S. M. Nekotorye pravovye voprosy realizatsii mekhanizmov sotsialnogo strakhovaniya ot delnykh kategoriy grazhdan // Sotsialnoe i pensionnoe pravo. — 2019. — № 3. — S. 11–16; № 4. — S. 18–23.
6. Mikheeva L. Yu. Obekty grazhdanskikh prav: pravovye pozitsii, soderzhashchiesya v postanovlenii Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Sudya. — 2015. — № 10. — S. 11–18.
7. Savelev A. I. Nauchno-prakticheskiy postateynnyy kommentariy k Federalnomu zakonu «O personalnykh dannykh». — M.: Statut, 2021.
8. Starchikov M. Yu. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie vzaimootnosheniy v sfere okhrany zdorovya: problemnye voprosy i sudebnaya praktika: nauch.-prakt. posobie // SPS «KonsultantPlyus», 2022.
9. Fridman V. E. Pravo na izobrazhenie: osobennosti pravovogo regulirovaniya i sposoby zashchity // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 8. — S. 45–56.
10. Khuzhin A. M. Problemy i perspektivy realizatsii lichnykh prav i obyazannostey suprugov // Semeynoe i zhilishchnoe pravo. — 2023. — № 1. — S. 19–21.
11. Sherstobitov A. E. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie prava na chest, dostoinstvo i delovuyu reputatsiyu i prava na izobrazhenie grazhdanina // Grazhdanskoe pravo. — 2023. — № 2. — S. 8–13.